

**КОЛИН
МАККАЛОУ**

Представляем романы Полины Дашковой

Вечная ночь
Горлов тупик
Золотой песок
Источник счастья.
Книга первая
Источник счастья.
Книга вторая. Misterium Tremendum.
Тайна, приводящая в трепет
Источник счастья.
Книга третья. Небо над бездной
Кровь нерожденных
Легкие шаги безумия
Место под солнцем
Никто не заплачет
Образ врага
Пакт
Питомник
Приз
Соотношение сил
Точка невозврата
Херувим
Марионетка
Чувство реальности
Эфирное время

КОЛИН МАККАЛОУ

ПОРОЧНАЯ
СТРАСТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

М15

Серия «Классическая и современная проза»

Colleen McCullough

AN INDECENT OBSESSION

Перевод с английского В. Агаянц

Серийное оформление и дизайн обложки А. Орловой

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Маккалоу, Колин.

М15 Порочная страсть: [роман] / Колин Маккалоу; [перевод с английского В. Агаянц]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 384 с. — (Классическая и современная проза).

ISBN 978-5-17-152717-4

Глубокий и яркий роман о психологии отношений и вечной борьбе между чувствами и долгом.

Человеческую душу можно сколько угодно ломать и калечить, но никакими силами не отнять у нее самого естественного на свете свойства — умения любить.

...Только что завершилась война. Снова светит солнце, цветут цветы, и мужчины и женщины — такие, как медсестра из военного госпиталя Онор Лангтри и ее пациент Майкл Уилсон, — влюбляются друг в друга.

Однако в жизни все никогда не бывает — да и не может быть — легко и просто. И приходится принимать решения, зачастую имеющие самые неожиданные последствия...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

© Colleen McCullough, 1981

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2022

ISBN 978-5-17-152717-4

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

114

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

148

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

205

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

249

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

304

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

350

Моей «маленькой сестренке»
Мэри Харджи Болк

*Я хотела бы поблагодарить своих консультантов –
Р. Дж. Ривза, отставного полковника штаба Сил обороны
Австралии, миссис Алму Критчли и сестру Нору Сполдинг
за их великодушную помощь.*

Колин Маккалоу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Молодой солдат, опустив вещевой мешок на землю, стоял перед безымянной постройкой и смотрел на дверь без каких-либо опознавательных знаков. Так это и есть барак «Икс», куда его отправили? Последний на территории госпиталя, как ему сказали, с облегчением махнув рукой в сторону тропинки, когда он заверил, что сам найдет дорогу — ни к чему отрывать людей от дела. Солдат был в форме, хотя уже и без оружия и боеприпасов: накануне забрал батальонный оружейник, — поэтому чувствовал себя не вполне комфортно.

Итак, он на месте. Вот он, госпитальный барак для бедолаг, чьи мозги размякли в тропиках. Вот и отвоевался! Ни денег, ни славы... А впрочем, какая разница? Главное, войне конец.

Сестра Онор Лангтри незаметно наблюдала за ним из окна своего кабинета со смесью раздражения и любопытства. Навязался же на ее голову именно тогда, когда она была твердо убеждена, что больше поступлений не будет. К тому же, вне всякого сомнения, появление новичка если и не вызовет бурю, но хрупкое равновесие в отделении «Икс» нарушит. Да ей и самой было очень любопытно: в солдате она видела еще одного незнакомца, которого еще только предстояло узнать. Итак, М. Э. Дж. Уилсон прибыл.

По знакам отличия Онор определила, что он сержант. Слева, чуть выше кармана, у него на груди име-

лась полосатая, красная с синим, ленточка медали «За безупречную службу» — награды самой почетной и редкой, а рядом — трех звезд. На выгоревшей почти до белизны ленте его шляпы, хранившей память о Ближнем Востоке, выделялась серая по краям нашивка дивизии. Военная форма, хоть и выцветшая, выглядела опрятно, ремешок широкополой шляпы, как и предписывает устав, перехватывал подбородок, а начищенные пряжки сияли медью. Воин не отличался ростом, зато был коренаст и кряжист, с загорелыми до черноты руками и шеей. Этот парень явно прошел всю войну, и, глядя на него, сестра Лангтри терялась в догадках: отчего его отправили в отделение «Икс»? Он выглядел немного потерянным — такое случается почти с каждым на новом месте, — но других, более характерных признаков психического расстройства: спутанности сознания, дезориентации, тревоги, нарушений поведения — сестра Лангтри не заметила. Сказать по правде, новичок выглядел совершенно нормальным, что для отделения «Икс» было нонсенсом.

Наконец солдат подхватил с земли вещмешок и ступил на длинный пандус, ведущий к входу, а сестра Лангтри, покинув наблюдательный пункт, вышла в коридор. К весьма оригинальной ширме, которую смастерил один из пациентов, что уже давно покинул госпиталь, они подошли почти одновременно с разных сторон. Это была по-своему уникальная вещь: что-то вроде занавески из рыболовной лески с нанизанными на нее крышками от пивных бутылок. Стоило ее тронуть, и раздавалось громохание жести. Эта ширма, изготовленная шутником пациентом, стала визитной карточкой отделения «Икс» и под ее ужасающей какофонией состоялось знакомство сержанта Уилсона с сестрой Лангтри.

— Здравствуйте, сержант. Меня зовут Онор Лангтри, — проговорила сестра с приветливой улыбкой, которая означала: «Добро пожаловать в барак «Икс», в мое царство».

Ее улыбка не могла скрыть легкой досады и беспокойства. Сестра выдала себя, когда резким повелительным жестом протянула руку за медицинской картой, заметив, что конверт, в котором она лежала, вскрыт. Ну что за болваны сидят в приемном отделении! Уилсон наверняка прочитал все бумаги.

Сержант же, нисколько не смутившись, неспешно снял шляпу и спокойно протянул ей конверт с документами.

— Простите, сестра. Мне не было надобности читать бумаги, чтобы догадаться, что в них.

Сестра Лангтри чуть повернулась и через открытую дверь кабинета ловко бросила конверт к себе на стол, словно хотела дать понять сержанту, что не заставит его стоять столбом, пока будет копаться в его прошлом. Официальные документы можно изучить и позже, времени у нее достаточно, а сейчас важно дать ему освоиться, почувствовать себя свободно.

— Итак, Уилсон?.. — Ей нравилась его невозмутимость.

— Майкл Эдуард Джон Уилсон, — совершенно невозмутимо представился новоприбывший, и в глазах его промелькнула едва заметная улыбка.

— Как нам вас называть?

— Майкл, а можно и Майк, не важно.

Он полностью владел собой, как ей казалось. Определенно никаких следов болезненной раздвоенности, неуверенности в себе. «О господи, — подумала сестра, — как он будет себя чувствовать среди остальных?»

— Откуда вы прибыли?

— О, издалека, — уклончиво ответил Уилсон.

— Бросьте, сержант. Война закончилась, так что о секретности можно забыть. Должно быть, вы с Борнео, но откуда именно? Бруней? Баликпапан? Таракан?

— Из Баликпапана.

— Что ж, добро пожаловать! О, вы появились как нельзя вовремя, — оживленно проговорила сестра и жестом предложила следовать за ней по короткому коридору. — Скоро ужин, а здесь неплохо готовят.

Барак «Икс» наскоро склотили из остатков стройматериалов, и отвели ему место на самой границе территории госпиталя, поскольку изначально он не предназначался для пациентов, которым требовалась особая медицинская помощь. Барак легко вмещал десять коек, а при необходимости можно было поставить и двенадцать или даже четырнадцать, к тому же порой использовали и веранду. Постройка из нестроганных досок, прибитых внахлест, прямоугольная, с голыми полами, была выкрашена в цвет детской неожиданности, по выражению ее обитателей. Широкие окна — вернее, проемы без стекол, — прикрывали деревянные жалюзи, призванные защищать барак от непогоды. Венчала строение крыша из пальмовых листьев.

Сейчас в общей палате размещалось всего пять кроватей. Четыре выстроились одна за другой изголовьями к стене, как и полагается в госпитале, пятая же странным образом выбивалась из строя и стояла особняком у противоположной стены, причем не под прямым углом к ней, а вдоль нее, вопреки больничным правилам. Обшарпанные низкие госпитальные койки были аккуратно застелены просты-

нями из небеленого полотна, которые в этих жарких влажных широтах с успехом заменяли и одеяла, и покрывала. От частых стирок они с годами выцвели и сделались белесыми, как выброшенные на морской берег кости. Над изголовьем каждой из коек на высоте шести футов крепилось кольцо наподобие обода баскетбольной корзины, с которого свисала длинная москитная сетка маскировочного зеленого цвета, затейливо уложенная изящными складками, достойными лучших творений Жака Фата¹. Возле каждой кровати стоял проржавевший металлический шкафчик.

— Можете свалить все свое снаряжение вон на ту кровать, — указала сестра Лангтри на койку у дальней стены, последнюю в ряду из четырех, как раз напротив окна, прикрытого жалюзи. — Вещи разберете потом. В отделении «Икс» еще пять человек, и я хочу познакомить вас с ними до ужина.

Майкл положил шляпу на подушку, опустил на кровать вещмешок, снял ранец и ремень с сумками. Славная койка: лежишь, а тебя обдувает свежим ветерком. Часть палаты как раз напротив была наглухо отгорожена ширмами, словно там лежал умирающий, но сестра Лангтри спокойным, уверенным жестом поманила сержанта за собой и с ловкостью, что приобретается лишь долгой практикой, скользнула в проход между двумя ширмами. В отгороженном углу не обнаружилось ничего таинственного, только длинный обеденный стол да скамьи по краям, а во главе — старое, удобное с виду кресло.

¹ Ф а т Ж а к (1912–1954) — французский кутюрье, оказавший наряду с Кристианом Диором и Пьером Бальменом значительное влияние на моду послевоенного времени — *Здесь и далее примеч. пер.*

По другую сторону стола был выход на веранду, пристройку шириной футов десять и длиной около сорока, что лепилась к стене барака, похожая на грубую оборку нижней рубашки, торчащую из-под юбки. Под стрехами веранды висели свернутые в рулоны бамбуковые шторы — в дождливую погоду их опускали. Площадку окружала невысокая, чуть ниже пояса, оградка из жердей с дощатыми перилами. Ботинки Майкла так грохотали по крепким половицам пола, что казалось, будто кто-то бьет в громадный барабан. У общей с баракком стены веранды почти вплотную стояли в ряд четыре кровати, а остальное пространство занимали разномастные стулья: должно быть, обитатели барака любили собираться в этом углу веранды. Возле самой двери притулился обеденный стол со скамейками — копия того, что в палате. Почти всю поверхность стены между верандой и палатой занимали оконные проемы с деревянными решетками жалюзи, широко открытыми, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Веранду пристроили с подветренной стороны, так что сюда не долетали порывы муссонов, однако, как оказалось, здесь всегда дули юго-восточные пассаты.

День угасал, но все еще теплилось его дыхание; в наплывающих сумерках тени цвета индиго и нежно-золотистые лужицы света пестрели на земле за оградой веранды. Черная, похожая на огромный кровоподтек грозовая туча, проплывая по багровому небу, заволокла верхушки кокосовых пальм, и те застыли в неподвижности, позлащенные закатными лучами, словно пышно разодетые танцовщицы с острова Бали. Мерцающий воздух тек с ленивой неспешностью, в нем плясали мириады пылинок, и казалось, что мир погружается на дно океана, пронизанного солнечными стрелами. Вдали, будто под-

порка для небесного свода, вздымались костлявые ребра радуги с яркой каймой по краю, вот только самая вершина была безжалостно смазана. Разноцветные бабочки летели прочь, на смену им прилетали ночные мотыльки, словно безмолвные порхающие духи. Среди листвы в клетках пальмовых ветвей распевали птицы, и чистые их ликующие голоса звенели в вышине.

«О господи, сейчас начнется, — подумала сестра Лангтри, прежде чем выйти на веранду, чтобы познакомить Уилсона с остальными обитателями барака. — Никогда не знаешь, чего от них ждать: мотивы их поступков непостижимы, — и остается лишь полагаться на свое чутье. Нет, понять их можно, но вот осмыслить...»

Полчаса назад она объявила им, что поступил новый пациент, и теперь буквально кожей чувствовала их тревожную настороженность. Ничего другого она и не ждала: обитатели барака видели угрозу в каждом новичке, и, чтобы привыкнуть, восстановить прежний порядок вещей в своем мирке, им требовалось время, а до тех пор к чужаку всегда относились враждебно. И чем больше времени уделяла новоприбывшему сестра в ущерб остальным, тем сильнее разгоралась всеобщая неприязнь к нему. В конце концов жизнь возвращалась в старое русло, вчерашний новичок обживался и становился своим, но до того дня сестре Лангтри предстояло пережить нелегкое время.

Возле стола сидели четверо мужчин, причем трое из них — голые по пояс. Пятый, с книгой в руках, лежал, вытянувшись во весь рост, на ближайшей койке. Только один из обитателей поднялся при появлении сестры с новеньким — высокий худой мужчина лет тридцати пяти, голубоглазый, со светлой шевелю-